ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА РОССИЯ – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Денис КУРОВ –

аспирант кафедры национальных и федеративных отношений РАГС

Перспективы снижения объема мировых запасов нефти и газа на фоне растущего в развитых и крупных развивающихся странах спроса на энергоресурсы обострили конкурентную борьбу за доступ к углеводородам и маршрутам их доставки на мировой рынок. Проблема энергетической безопасности приобрела глобальное измерение, став одной из дискуссионных тем для мирового сообщества. Это привело к увеличению роли энергетического фактора в межгосударственных отношениях.

В условиях формирования нового вызова мировому развитию Россия заявила о намерении быть гарантом глобальной энергетической безопасности [1]. Концептуальной «платформой» данной политической установки стала идея «энергетической сверхдержавы», в основу которой был положен тезис об усилении роли России на мировой арене за счет своих конкурентных преимуществ в сфере энергетики [2]. По сути, данная концепция задала энергетический вектор внешней политики РФ и побудила крупные российские нефтегазовые компании учитывать в своей внешнеэкономической деятельности политическую составляющую. Таким образом, энергетическая политика России на современном этапе во многом стала проводником геополитических интересов страны, а ведущие российские энергетические корпорации – ее инструментом.

Во главу угла современной российской энергетической политики на европейском направлении был поставлен принцип сохранения ведущей роли РФ на энергетическом рынке Европы. Укреплению «нефтяных» позиций России призваны содействовать нефтепроводные проекты «БТС-2» и «Бургас – Александруполис». Данные трубопроводы нацелены на оптимизацию маршрутов доставки «черного золота», в том числе в европейские страны. Значительными результатами на европейском направлении отмечена энергетическая политика России на «газовом фронте».

Заключение новых долгосрочных договоров с рядом европейских стран в отношении российских поставок «голубого топлива» способствовало закреплению за Россией статуса ведущего игрока на европейском газовом рынке. Выход российского концерна ОАО «Газпром» непосредственно на европейского потребителя свидетельствует об успешных попытках РФ расширить свое присутствие на рынке природного газа Европы.

Упрочению положения России в энергетическом секторе стран ЕС и формированию основы долгосрочного сотрудничества с европейскими партнерами в сфере энергетики служат также обмены стратегическими активами между ОАО «Газпром», с одной стороны, и немецким химическим концерном «BASF» и германской энергетической корпорацией «E.ON AG» – с другой. Кроме того, на укрепление энергетического российско-европейского взаимодействия на долгосрочную перспективу направлена реализация газопроводных проектов «Северный поток» и «Южный поток», которые призваны надежно «зажать» Европу в «энергетические тиски».

Меньше достижения у энергетической политики России на Каспии и в Центральной Азии. Этот регион имеет стратегическое значение для Москвы, поскольку каспийская нефть и центрально-азиатский газ поставляются, в том числе, и на европейский рынок. За контроль над энергоресурсами региона РФ приходится конкурировать одновременно с несколькими внешними игроками – ЕС, США и Китаем.

Внимание Европейского союза к Центральной Азии привлекают прежде всего огромные запасы туркменского газа. Получение доступа к ним позволит воплотить европейскую мечту о значительном снижении зависимости ЕС от поставок российского газа, существенный объем которых имеет именно «центрально-азиатское происхождение». Что касается Соединенных Штатов, то их интерес к данному региону лежит в большей степени в политической плоскости. Продвигая проекты трубопроводов в обход России, США пытаются тем самым ослабить ее влияние в этом регионе. Иная природа активной вовлеченности в энергетические проекты в странах Центральной Азии у Китая. Главное здесь – стремление Поднебесной обеспечить свою растущую экономику энергосырьем.

Положение с транспортировкой нефти и природного газа на внешний рынок в Центральной Азии и на Каспии претерпевает фундаментальные изменения [3]. Открытие за последние несколько лет новых экспортных маршрутов вывоза углеводородов из региона в обход России свидетельствует о том, что некогда доминирующая роль РФ в обеспечении доступа центрально-азиатских стран на внешний рынок необратимо снижается. При этом роль России как транзитной страны будет, по всей вероятности, год от года ослабевать, в частности, в связи с ростом объемов транскаспийских морских перевозок из Казахстана в Азербайджан и дальнейшим направлением казахстанской нефти по нефтепроводу «Баку – Тбилиси – Джейхан». В то же время необходимо признать, что при экспорте углеводородов в европейском направлении зависимость центрально-азиатских стран от транзита через Россию еще будет сохраняться.

Нельзя не отметить ряд важных шагов, предпринятых в последнее время Россией по обеспечению своих энергетических интересов, как на государственном, так и на корпоративном уровнях. К их числу следует отнести достижение межгосударственного соглашения с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном по прокладке Прикаспийского газопровода, единой позиции с Казахстаном по вопросу о расширении пропускной способности нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск», согласие РФ в связи с намерением стран Центральной Азии увеличить с 2009 г. свои экспортные цены на энергоресурсы, поставляемые в европейском направлении через территорию России.

Однако, как представляется, при всей важности вышеупомянутых соглашений они все же являются недостаточными. В условиях ведущейся острой конкурентной борьбы в регионе за углеводороды России необходимо решительно активизировать политику по защите своих интересов, не ограничиваясь лишь критикой планов прокладки транскаспийских трубопроводов или установлением высоких транзитных тарифов при прокачке нефти и газа из стран Центральной Азии через свою территорию.

Важно подчеркнуть, что во многих инициативах и проектах российских нефтегазовых компаний высока роль государства, которое на определенных этапах оказывает необходимое содействие их реализации. Объясняется это тем, что, помимо экономической прибыли, результаты внешнеэкономической деятельности отечественных корпораций способны принести и политические дивиденды. Иными словами, РФ намерена аккумулировать потенциал

энергетического взаимодействия со странами Европы в свой «политический багаж».

В этой связи отнюдь не случайно упоминание о формировании политического альянса России с Германией и Италией: именно с указанными европейскими странами сегодня наиболее успешно развивается сотрудничество в энергетической области [4]. Однако настроение европейских политических элит этих стран и непростой период взаимоотношений, который переживают сегодня Россия и Европейский союз, ставят под сомнение возможность его реализации в краткосрочной перспективе.

Кроме того, думается, что представление о безоблачном энергетическом будущем России на европейском рынке ошибочно. Одной из причин этого является неспособность (или нежелание) европейских политиков преодолеть синдром холодной войны, проявляющийся в недоверии к восточному соседу. В ЕС сильны опасения в отношении возможного использования РФ поставок энергоресурсов в качестве инструмента политического давления на Европу. Энергетические конфликты с Украиной и Белоруссией в 2006-2007 годах были восприняты на Западе как пример применения Россией «энергетического оружия» [5]. Недавняя российско-украинская «газовая война» вызвала поток обвинений в адрес Москвы в «неуважительном отношении к европейским партнерам» [6]. В политическом ключе рассматривает Брюссель и перебои с поставками российской нефти в Эстонию в мае 2007 г., а также в Чехию в августе 2008 г. При этом аргументы российской стороны о сугубо технико-экономических причинах этих событий ЕС в расчет не принимаются.

Восприятие России в категориях холодной войны в значительной мере препятствует продвижению ее энергетических интересов в странах Европы. Российским нефтегазовым компаниям нередко приходится сталкиваться с трудностями на европейской «площадке». Яркими примерами этого являются попытки помешать ОАО «Газпром» приобрести ряд газотранспортных компаний, укрепить его позиции на розничном газовом рынке Европы.

Переломным моментом в развитии энергетического диалога «Россия – Европейский союз», по мнению автора, стали вышеупомянутые «газовые» и «нефтяной» новогодние конфликты России с соседними республиками. Сбой в российских поставках энергетических ресурсов в ряд стран Европы был воспринят Брюсселем как свидетельство зыбкости энергетической безопасности ЕС, что послужило мощным импульсом для разработки целого ряда новых европейских инициатив в энергетической сфере. Речь идет, в частности, о появлении «Зеленой книги» «К европейской стратегии безопасности энергоснабжения», в которой подтвержден курс на развитие диверсификации поставок углеводородов в Европу. Европейцы также активизировали переговоры с североафриканскими производителями природного газа и пытаются форсировать реализацию трубопроводных проектов «Nabucco» и «Констанца – Триест» как альтернативных российским маршрутов доставки энергоресурсов в Европу. Кроме того, при поддержке США, Брюссель прилагает усилия сдвинуть с мертвой точки строительство Транскаспийского газопровода. Существенные проблемы испытывает российско-германский газопроводный проект «Северный поток», что уже сказалось на сроках его введения.

Предприняты также настойчивые попытки разрушить практику поставок российского газа по долгосрочным контрактам, предложив заменить ее продажей «голубого топлива» на границе. Одновременно заметно усилилось давление европейских политиков с целью принудить Россию ратифицировать Договор к Энергетической хартии. Эти и другие меры не могли не отразиться на эффективности продвижения интересов России на европейском энергетическом рынке.

Для разрешения назревших противоречий вопросы энергетического взаимодействия были включены в политическую повестку российско-европейского диалога. Практически ни один саммит «Россия – Европейский союз» не прошел без обсуждения энергетической проблематики. Даже разразившийся в 2007-2009 годах мировой финансовый кризис, ставший одной из главных тем в программе осеннего саммита «Россия – ЕС» в Ницце в ноябре 2008 г., не смог затмить собой данную стратегическую область российско-европейского взаимодействия [7]. Есть основания полагать, что с подачи ЕС вопросы энергетики будут включены в текст нового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и Европейского союза.

Характерной особенностью развития отношений между Москвой и Брюсселем на современном этапе является то, что они зачастую становятся заложниками непримиримой позиции отдельных европейских стран, подвергающих критике конкретные аспекты энергетической дипломатии России. Блокирование Польшей и Литвой предоставления Европейской комиссии мандата на переговоры с Россией по новому базовому договору подтверждает зависимость их политической позиции от энергетической составляющей взаимоотношений. В частности, Варшава потребовала от России, помимо снятия ограничений на польский сельскохозяйственный импорт, ратификации Договора к Энергетической хартии [8]. Претензии к России в связи с закрытием по случаю ремонта ветки нефтепровода «Дружба», ведущей к нефтеперерабатывающему заводу «Mazeikiu Nafta», выдвинула Литва. Президент этой прибалтийской республики В. Адамкус пригрозил Москве наложить вето на начало ее переговоров с ЕС в случае невозобновления поставок российских энергоносителей Литве [9]. На встрече глав МИД стран Евросоюза, прошедшей в Брюсселе в ноябре 2008 года, Вильнюс повторно высказался против возобновления переговоров по новому базовому соглашению Россия – ЕС [10].

Противоречивый характер российско-европейских взаимоотношений в энергетической сфере вынуждает Россию проводить энергополитику в восточном направлении. В сентябре 2008 г. ОАО «Газпром» подписал с южнокорейской госкомпанией Korea Gas меморандум о взаимопонимании, предполагающий поставки из России голубого топлива в течение 30 лет [11]. Осенью прошлого года также достигнута договоренность с китайской стороной о строительстве ответвления от трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» на Китай, по которому будут осуществляться поставки российской нефти [12]. Кроме того, в феврале 2009 г. в рамках проекта «Сахалин-2» торжественно открыт первый в России завод по производству сжиженного природного газа (СПГ) в промышленных масштабах [13]. Благодаря запущенному заводу СПГ Сахалин превращается в новый крупный источник перспективного вида топлива для всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Иными словами, Россия не испытывает сложностей с реализацией своих энергоносителей в эпоху жесткой конкурентной борьбы за углеводороды.

Вместе с тем, несмотря на имеющий место политический шантаж с энергетическим акцентом со стороны некоторых европейских государств, думается, что благодаря активной энергетической дипломатии на европейском направлении Российская Федерация в обозримом будущем сохранит свою роль ведущего энергетического партнера ЕС. Этому будет способствовать разработка Россией эффективной стратегии энергетического взаимодействия с ЕС, включающей усилия по защите ее интересов, противодействию энергетических «контрмер» ЕС. Более того, в случае успешной реализации ряда российских трубопроводных проектов, направленных на создание «прямых коридоров» поставок энергосырья европейскому потребителю, РФ значительно укрепит свою роль надежного поставщика энергоресурсов в Европу и одного из основных гарантов глобальной энергетической безопасности.

Литература

1. www.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml
2. www.edinros.ru/news.html?id=111148
3. Экспорт углеводородов из стран Центральной Азии: состояние, проблемы и перспективы. Аналитический доклад. Фонд стратегического исследования Центрально-Азиатского региона. 2008.
4. www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/8696/
5. BusinessWeek. 2006. April 28.
6. www. handelsblatt. com/ politik/ gastbeitraege/ unverstaendliche-passivitaet; 2122563
7. www.kremlin.ru/appears/ 2008/ 11/14/ 2100_type 63377 type 63380 type 82634_209203.shtml
8. www. lenta.ru /news/ 2006/ 11/13/ poland/
9. Газета. 2007. 14 мая.
10. www. rian.ru /world/ 20081110 / 154781160. html
11. www. rbcdaily.ru/2008/09/30/tek/382802
12. www. rian. ru/economy/20090219/162652332.html
13. www. rian. ru/analytics/20090218/162484635. html

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Надежда СКОРОЧКИНА –

аспирантка кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС

Доминирующей тенденцией развития мировой цивилизации на рубеже XX-XXI веков является переход к новому типу социальной организации общества, имеющему информационную и сетевую природу, – открытому информационному обществу. Процесс трансформации затронул все сферы современного общества, и это не случайно, поскольку «двигающая сила» этих преобразований – информация – пронизывает социальное бытие человека. Коснулись перемены и сферы социального управления: одним из важнейших факторов реализации государственной политики, будь то экономическая, социальная или культурная политика, становится информационная политика.

Рассматривая вопрос об информационной политике в сфере культуры, необходимо отметить некоторые принципиально важные моменты. Исходя из синтеза атрибутивного и функционального подходов к информации можно утверждать, что культура – это тоже не что иное, как информация, накапливаемая человечеством и передаваемая из поколения в поколение с помощью коммуникации. Подчеркнем, что мы рассматриваем информацию как содержание коммуникации и как «результат отражения в различных формах фактов общественного бытия и общественного сознания» [1, с.437].

Управление сферой культуры – сложное комплексное явление, заключающееся в том, что подавляющая часть культурных процессов протекает в обществе стихийно, подчиняясь лишь глубинным законам социальной самоорганизации людей в их коллективной жизнедеятельности. Это обуславливает необходимость рассмотрения культуры с точки зрения постнеклассической методологии, т.е. как самоорганизующейся системы. В ней самопроизвольно происходят флуктуации, которые определяют тенденции развития культуры на конкретный момент времени; в точках бифуркации общество, народ, а с ними и культура переживают коренную перестройку всех ценностей. Культуролог О.Н. Астафьева отмечает, что современному состоянию культуры более всего созвучны динамические модели как открытые антропосоциокультурные системы, функционирующие в сложном сопряжении процессов самоорганизации и организации [2].

Необходимо осознавать, что «детерминанты» культуры заключаются в ней самой. Внутренние потенции культуры, связанные с творческой деятельностью человека, поистине неисчерпаемы. Система связей и структурных взаимодействий в культуре как открытой динамичной самоорганизующейся системе подвергается значительным изменениям. Казалось бы, в периоды неустойчивости, нестабильности взаимодействия хаотичны и вообще не поддаются управленческому воздействию. Однако это не совсем так [3].

Как и любая система, культура подвержена внешнему воздействию, но не может управляться директивно. Необходимо развитие таких технологий управления культурной сферой общества, которые по своим онтологическим характеристикам соответствовали бы ее природе. Как утверждает В.Л. Романов в своей работе «Социальная самоорганизация и целостность», самоорганизующаяся система имеет свою программу и примет то воздействие, которое соответствует ее природе [4].

Коммуникативная природа культуры диктует использование для этих целей информационно-коммуникационных технологий, т.е. такого воздействия, которое будет основываться на информации. Под информационным воздействием мы понимаем согласованный по целям, задачам, месту и времени комплекс мероприятий, осуществляемый при помощи информации и направленный на изменение количественных и качественных характеристик объекта в интересах субъекта [1, с.434].

Необходимость привлечения информационно-коммуникативных технологий в процесс управления культурой диктуется и тем, что современное информационное пространство как совокупность информационных полей и информационных процессов, так же как и пространство культуры, развивается в логике открытой синергетической динамической системы. Так, согласно представлению Н. Лумана, коммуникации предстают не как послушный объект управленческих решений, а как активная самоуправляющаяся среда [5].

Рассуждая о логике развития коммуникативного пространства в рамках постнеклассической парадигмы, необходимо отметить следующие ключевые моменты:

- массовая коммуникация – вид коммуникации, имеющий своим субъектом группы людей, это диалог субъектов, субъект-субъектное информационное взаимодействие;
- процесс массовой коммуникации – это процесс высокой социальной энергетики, который определяется принципами коммуникативного единства: внутренней и внешней информационной флуктуации, самоорганизации и организации, саморегулирования и регулирования, самоуправления и управления [6];
- медиакоммуникации выступают фактором направляемого развития информационно-политических отношений на основе познания объективных законов их формирования и функционирования.

Таким образом, при использовании информационно-коммуникативных технологий управленческое воздействие на культуру со стороны государства может пониматься как включение внешнего воздействия в процесс самоорганизации системы – но не для подчинения развития этой системы, а для повышения ее внутренней активности, раскрытия заложенного в логике ее собственного развития творческого потенциала. Только в этом случае можно говорить об эффективном управлении, которое проявляется в способности противодействовать нега-